

УДК 1 (091)
DOI 10.17223/1998863X/30/15

О.Г. Мазаева

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫКОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Рассматриваются языковые образования античной философии. Описание формирования термина и его осмысления могут быть представлены двояко. Обретение терминологического смысла рационально-понятийными и эмоционально-образными формами мышления связано с их развитием, от корнесловия к ставшему содержанию. Осмысление термина разворачивается в обратной перспективе, телеологической, когда ставший смысл является гарантом конкретности и ясности становящегося термина.

Ключевые слова: античная философия, мудрец, философ, софист, эрос, логос.

Слова и словосочетания, характеризующие античную философию, выступают как понятие, образ, символ, термин; причём каждое из них способно выполнять функцию любого другого, в какой-то мере замещать его, реализовывать функцию, которая не обязательно единственно или преимущественно присуща именно данному образованию.

Описание процесса формирования термина и его осмысления могут быть представлены в двух перспективах. Как обретение в ходе исторического развития терминологического смысла рационально-понятийными и эмоционально-образными формами мышления. В таком случае важно обратиться к корнесловию, выявить смысловые истоки, содержание, разнообразие разбираемых языковых образований. Это путь от истока к становящемуся и ставшему. Осмысление же термина лучше представляется в обратной (телеологической) перспективе. В свете осуществлённого, энтелехии, проясняется становящийся смысл, ставший термин выступает гарантом конкретности и ясности формирующегося смысла. Содержание ключевого термина – античная философия, смысл и содержание других – таких как эрос, логос – полнее и точнее раскрываются именно в этом двуедином взятии.

Рассмотрим историко-культурное и философское содержание словосочетания «античная философия», формирование его терминологического статуса и смысла. Начнём со слова «античная», обратим внимание на его корнесловие (смысловые истоки) и ставший смысл.

Во времена поздней античности христиане называли эллинов – древними (античными), себя же – новыми (времени модерна) людьми. Это противопоставление содержит долю пренебрежения (язычники, а не христиане) и долю случайного, разделение – во времени (древние, а не новые).

В Германии XIX в. сначала у Г.В.Ф. Гегеля, затем в антиковедении у Э. Целлера, Т. Гомперца, В. Виндельбанда и др. в названии отмечается местоположение – греческая философия, в её исследовании даётся разбивка на периоды. В философских текстах встречаются именованья – философия Эл-

лады, древнегреческая, эллинская философия. Во Франции XVIII в. все произведения древнего искусства считались «античными», позднее так стали называть только греко-римские древности. Во времена Возрождения греко-римское культурное наследие воспринималось как образцовое, классическое.

Отметим, что со временем термин античный(ая) утратил пренебрежительный оттенок. В истории культуры не редки метаморфозы, изменение содержания термина, исчезновение отрицательных или иных коннотаций. Термин античный(ая) стал относиться только к греко-римским культурным ценностям, ни японская, ни восточная античность, в научном обиходе не утвердились, хотя и были попытки ввести их. Разнообразие словосочетаний, характеризующих философию с VI в. до н.э. – до 529 г. н.э. (11,3 века), всё чаще связывалось с определением её как античной. Этот термин приобрел статус необходимого, а не случайного, за ним постепенно закрепляются устоявшиеся смыслы: античная – значит, древняя, греко-римская, классическая.

Сложносоставные понятия философ и философия, образованные от греческих слов *филия* – любовь и *софия* – мудрость, означают любовь к мудрости, любомудрие. Появление этих слов довольно часто возводят или к Пифагору Самосскому (ок. 580–500), который в зрелом возрасте жил на юге Италии (Кротон, Метапонт). Считалось, что он, по скромности притязаний, именовал себя не мудрецом, а лишь любителем мудрости. Или к Гераклиту Эфесскому (ок. 540–480), как будто бы пренебрежительно назвавшему Пифагора – всего лишь философом, в противоположность себе – последнему одинокому мудрецу. Или употребление этих слов связывают с Геродотом (ок. 484–425), «отцом истории», родом из Галикарнаса (Малая Азия), проживавшим в Афинах.

Осознание философа как особого представителя общества, а философии как особого образа жизни и мысли, которые определяются идеей подлинной, абсолютной мудрости, относят к Платону Афинскому (428/7 – 347). В «Пире» Платона Эрос в мифологической, а Сократ (ок. 469–399) в исторической форме воплотили образ философа [1. С. 59].

В диалогах Платона «Пир», «Федр», «Софист», «Государство» и др. раскрыто содержание понятий философа и философии, выявлено их терминологическое значение. После этого устоявшийся смысл терминов был перенесён на предшествующие времена. Аристотель (384–322) из Стагиры среди первых мудрецов выделил философов: Фалеса (ок. 624–548) из Милета как «такого рода» философа, т.е., натурфилософа, и его современника Ферекида Самосского (ок. 600/597–532/529) – «другого рода» философа, т.е., богословствующего [2. С. 125]. Позднее Цицерон (106–43), Диоген Лаэртский (II–III в. н.э.), Ямвлих (III–IV в. н.э.) стали проецировать платоновские понятия философии и философа на прежние времена, на фигуры таких мыслителей, как Пифагор, Гераклит, или отсылать к свидетельствам Геродота.

Давая характеристику составной части слова философия – «филия», заметим, что для обозначения любви в греческом языке существуют разные понятия. *Филия* – любовь-симпатия, склонность, расположение; *агапе* – любовь-жалость; *эрос* – любовь-страсть, влечение; *мания* – одержимость, неис-

товство; сторге – родственная привязанность, любовь-дружба; харис – бескорыстный, божественный дар.

В то же время одно понятие содержит ряд смысловых оттенков. Разработка характеристик любви, значимых для выявления понятий философ и философия, дана Платоном в диалогах «Пир», «Федр» и другие. В диалоге «Пир» – образ Эроса раскрывает суть и смысл понимания любви. Мифический образ Эроса, по Платону, во многом схож с образом философа, именование которого включает корень – филия. Философу, как и Эросу, важны и близки устремления к сверхчувственному, божественному, абсолютному. Платон раскрывает коннотативные (дополнительные, сопутствующие) значения, характеризующие не достижение, а лишь вечное приближение к абсолютному. Персонафицированную образом Эроса любовь дополняют такие понятия, как энтузиазм – одержимость Божеством; пафос – состояние страсти, обуревающей и Эроса, и истинно философскую душу; экстаз – временное священное безумие, когда душа покидает тело, состояние, в котором душа устремляется к божественному, непосредственно (мистически) общается с Божеством [3. С. 192–221]. Экстатическая, мистическая природа познания дальнейшую разработку получила у неоплатоников.

В многообразии языковых образований и убедительных экспликаций Платона терминологически значимой всё-таки стала филия, а не эрос. Слова философия и философ во времена Платона уже существовали. Его миссия в данном случае заключалась не в словотворчестве, а в усилении терминологического статуса и смысла бытовавших слов.

В диалогах Платона разработка понятий, таких как энтузиазм, пафос, экстаз и ряда других, фокусируется в Эросе, терминологически закрепляется в филии. Филия – многоразличное понятие, в интересующем нас отношении близкое к данному выше толкованию Эроса. Этимологически слово филия более спокойного свойства, выражает дружбу, дружественность, влюбчивость, расположенность, склонность, интерес. В этом понятии фиксируется господствующая интенция, т.е. направленность, стремление, целевая и целеполагающая значимость занятий, проникнутых высокой любовью к подлинной мудрости.

При рассмотрении второй части термина «философия» – софия, слова-символа, богатого в смысловом отношении, употребляемого в разных контекстах, остановимся на трёх:

- многоопытность мудрецов (VII–VI в. до н.э.);
- практическая мудрость софистов (V–IV в. до н.э.);
- подлинная, божественная, абсолютная мудрость.

1. Многоопытность мудрецов. В VII–VI вв. до н.э. ряд выдающихся мыслителей и государственных деятелей почитались у эллинов как мудрецы. В разных перечнях семи мудрецов числится около двадцати имён. Среди них – Фалес Милетский и Ферекид Сиросский [4. С. 190–191]. Почитая как мудрецов, Фалеса и Ферекида причисляют к философам, их время – время становления философии. «Уже первое проявление философии на греческой почве, – замечал Ф. Ницше, – санкция семи мудрецов – есть ясная и незабвенная линия в картине эллинского естества. У других народов были святые, у греков – мудрецы» [5. С. 196].

В представлениях о семи мудрецах, радеющих о сохранении и общем благе вверенного им полиса, отразилось многообразие назначений софии: это 1) владение словом в разных видах деятельности, в обыденной жизни; 2) умение общаться с людьми в устной и письменной речи; 3) оперирование научными и техническими знаниями.

Мудрость семи мудрецов в основном практического свойства, в случае Фалеса и Ферекида она связана с совершенствованием способности суждения. Даже более того, теоретический (умозрительный) интерес часто превышает практический, для них важно уяснить последние основания, истину, абсолюты. Они выходят за пределы чувственно воспринимаемого, в значительной степени склонны к умозрению, рефлексии. Но предмет рефлексии (осмысления, размышлений) у них разный. Для Фалеса предметом рефлексии преимущественно выступает природа, с него начинается натурфилософская традиция в философии. Для Ферекида предметом рефлексии является мифология Гомера и Гесиода. Ферекид представляет традицию философов-богословов, для её реконструкции почти нет сведений, хотя вполне улавливается стремление через переосмысление мифологии дать философскую интерпретацию первооснов, мироздания.

2. Практическая мудрость софистов. В V–IV в. до н.э. появились платные учителя мудрости – софисты. Они, скорее, представители риторической (риторика – искусство красноречия), а не философской культуры. Фигуры софиста и философа при всех разногласиях в те времена были взаимодополняющими, иногда и совпадающими в одном лице.

Софисты признавали относительную необходимость философских занятий, считали, что философствовать надо, но в меру. Их роль состояла в передаче общей культуры и знаний, с помощью которых они и их ученики могли бы достичь личного успеха в делах, и в политике. Софисты считали эристику (искусство спора) и риторику (искусство красноречия) средствами достижения своих целей. Попутно софистами сделано немало позитивного в философии. Это и развитие новых для того времени проблем, тех, что ныне входят в философию культуры и философскую антропологию, разработка важных для логики и философии языка тем: логических, эристических, риторических, грамматических.

Философы выступали искателями объективного (общеобязательного) знания, истины, абсолюта, эристика и риторика являлись для них средствами тренировки ума и самозащиты, но они были далеки от высокой оценки эристики и риторики. Сократ, Платон, Аристотель, их последователи (именно они составляли философское противостояние софистам) считали мудрость софистов неподлинной. Они осуждали свойственные софистам гносеологический и этический релятивизм, сенсуализм, основанный на них скептицизм относительно признания существования Богов и т.д.

Самосознание философа и софиста различны, их споры – постоянны. Современники, даже просвещённые, разницу этих позиций, по разным причинам, не видят или не принимают в расчёт (например, комедиограф Аристофан).

Уже в самом именовании «софист» слышалось снижение роли, отводимой мудрецу (мудрец – «софос»). Софист часто комичен, унижен, осмеян.

3. Абсолютная, безусловная, совершенная, подлинная мудрость – достояние Бога. Она исключает вариации – нельзя быть более или менее мудрым. София как подлинная мудрость выступает здесь в качестве полноты и определённости истины, знания. Она приобретает значение идеала, трансцендентной нормы, т.е. нормы, которая недоступна чувственно воспринимаемому. Это знание сверхчувственное, абсолютное, божественное. Бог Аристотеля как абсолют недвижим, бездеятелен (движение свидетельствовало бы о неполноте, недостатке). Бог – объект любви, как субъект любви он обнаружил бы отсутствие самодостаточности и совершенства. Бог – энтелехия, осуществлённость, притягивает к себе всё, устремлённость всего к Богу – реализация целевой причины, одной из четырёх метафизических первопричин.

Абсолютная мудрость не имеет градаций. Она есть всегда, всюду, в своей полноте, без изъятий, градаций, различий и степеней. Немудрость же имеет свои различия [1. С. 61]. Людей, у которых отсутствует мудрость, можно разделить на два вида:

– сознающие свою немудрость – философы (Сократ: «Я знаю, что ничего не знаю»);

– не сознающие свою немудрость (незнание, неведение), это – невежды (не ведающие, не ищущие абсолютную мудрость; этической оценки здесь нет).

Рассмотрев три смысловых контекста софии и дихотомическое деление немудрости, можно выделить пять фигур и пять типов различного отношения к мудрости.

1. Бог. Божественная, т.е. абсолютная мудрость.

2. Мудрец. По-преимуществу практическая мудрость, служащая объективной, общезначимой цели. Цель мудреца – достижение блага полиса и всех граждан.

3. Софист. Практическая мудрость как техника дискурса, направленная на достижение субъективных целей, выгоды.

4. Философ. Умозрительно взыскующий абсолютной Божественной мудрости, основывающий на стремлении к ней свой образ жизни и мысли.

5. Невежда. Полное отсутствие тяги к абсолютной мудрости, безразличие к ней.

Мудрец, Софист, Философ, Невежда обнаруживают разные степени и модусы теоретической и практической активности; нередко встречаются взаимопереплетения этих чистых типологических персонификаций. Божество и Невежда (их умозрительная активность нулевая) – лишены философского начала.

Мудрецу, Софисту, Философу философское начало присуще в разной степени. Отсюда несамодостаточность тех, кому свойственно философствовать, их особый статус в интеллектуально-духовном мире. Серединная позиция между Божеством и Невеждой превращает философствующего (мудреца, софиста, философа) в ироника и/или трагического героя. Ироничность и трагичность существуют и как внутренняя самоопределённость, и как восприятие философа и философствующего другими людьми.

Активность философа античности проявляется как выбор взаимосвязанных между собой образа жизни и образа мысли. Осознание этой двоякости

осложняет ситуацию. Именно «в чистоте своей срединности» философ (в гораздо большей степени, чем мудрец и софист) уязвим и так легко иронизировать над ним и Аристофану в «Облаках» (возможно, что он не путал Сократа с софистами в своей философской беспечности, просто так было точнее), и Платону в своих диалогах. Ироник знает о своей немудрости (об отсутствии подлинной, полной мудрости). Он не находит себе места ни в кругу невежд, ни среди мудрецов, все знающих и все ведающих, каковых, по сути, среди смертных нет. Ирония чревата трагичностью. Философ неприкаян, бесприютен, как Эрос, как Сократ [1. С. 62]

Превратности судьбы философа или философствующего связаны с особой двойственностью его положения, которое вызывает: ироничность окружающих, порой самоиронию (как у Сократа); или же трагичность, состоящую в невозможности и одновременно в неодолимом желании и стремлении достичь недостижимого – абсолютной мудрости.

Превратности судьбы самой философии обнаруживаются в ином. Утрата присущей ей двоичности или многозначности – мертва её.

Прояснение смысла, жизненности сложносоставного термина «философия» связано с обращением к близким по содержанию словам (или группе слов), которые, уточняя и углубляя некоторые характеристики этого содержания, всё-таки не обретают именованного термина, основополагающего и определяющего данный вид интеллектуальной активности.

Для осмысления темы Софии в философии особенно важными являются понятия (имеющие также не одно значение) «логос» и «рацио». Уже в пределах античности в латинском «рацио» идёт угасание, выхолащивание, забвение некоторых смыслов греческого «логоса», хотя исходно латинское «рацио» является своеобразной калькой греческого «логоса».

«Рацио» тяготеет к схеме, о-предел-еванию и определению понятий. Гипертрофия начинаний Сократа, его метода позднее найдет воплощение и завершение в оформлении логики, математики, опирающемся на них естествознании.

«Логос», тяготеющий к духовной неисчерпаемости, к символу, противостоит мифу со стороны входящих в него рационалистических моментов, но «Логос» – как слово и мысль Божественного, далеко не подвластен жесткости рацио. В «Логосе», как и в других, обнаруживающих терминологический смысл слова, есть «прозадуманность и неотменимость», о чём писал А.В. Михайлов. Слово подвергается «разворачиванию, разбору и разъятию ...переводу и переносу в другие языки, при которых его смысл обедняется, стирается, урезается, сужается ...Скрытое, застланное слово ...противится неосмысленному употреблению самого себя, оно и тут не перестаёт стоять на страже самого себя» [6. С. 493].

Понятийная разработка абсолюта, сверхчувственного, «Рацио» фокусируется в «Логосе», терминологически закрепляется в «Софии» (составной части термина философия).

Разработка же другого ряда понятий, таких как «энтузиазм», «пафос», «экстаз», фокусируется в «Эросе», а терминологически закрепляется в «Филии».

Философия (в своём общезначимом измерении) предстаёт как нераздельность, неразделённость и неразделимость Эроса и Логоса. Она жива

этой своей двоичностью и/или многозначностью, включающей широкий диапазон смысловых сочетаний каждого из начал.

Кроме смыслокорневой двойственности (филия и софия), необходимо указать на двойственность между системно-понятийным рядом и разноликостью эмоционально-образной и/или мистической подосновы. Двойственность придаёт философии как явлению особую энергичность, определяет историческую подвижность, обеспечивает жизненность термина философия.

Парадоксально, но факт. Когда мы имеем дело с философ/философствующим (т.е. когда речь идёт об индивидуальном измерении интеллектуальной философской активности), раздвоенность и стремление к недостижимому обнаруживают ироничность и трагичность ситуации (появляются насмешки, сожаления по отношению к философу у окружающих, у него самого).

Когда же философия (в её общезначимом измерении) приобретает однозначно выраженную определённую (в любом варианте), то торжествующая философема, чреватая однобокостью, уподобляется в своей завершённости омертвелому образованию (в чём трагедия философии) и/или вызывает иронию, критику, опровержения. Таковы некоторые этимологические соображения, учитывающие корнесловие, указывающие на понятийную разработку, жизнь термина, высокие и низкие тона его звучания.

Т. Гомперц (1832–1912) в своём труде «Греческие мыслители» (1896–1909) писал: «Игнорировать прошлое не только не желательно, но и просто невозможно. Незнание учений и сочинений великих мастеров древности, какого-нибудь Платона или Аристотеля, даже полное неведение их имён не избавляют от влияния их авторитета. И не только потому, что это влияние передаётся через посредство древних и современных преемников их; всё наше мышление, категории в которых оно движется, словесные формы, которыми оно пользуется ... – всё это в значительной мере есть результат и создание великих мыслителей прошлого» [7. С. 487].

Исследования в области историко-культурной этимологии, философско-лингвистические изыскания помогут не только реализовать практический интерес, извлечь уроки из прошлого, получить новые теоретические знания, но и избавят от всесильной, не всегда осознаваемой, чрезмерной зависимости от неё, что также отмечал Т. Гомперц [7. С. 487].

Трудности изучения терминологического смысла словесных форм, их строя, достаточно велики. Они обусловлены, с одной стороны, разнообразием исследовательского опыта, мировоззренческих и методологических установок, достижений и предрассудков того или иного этапа философской историографии. С другой, в процесс терминологизации вовлекаются сложные языковые формы (символ, образ), приходится учитывать метафоричность, эмоциональную подоснову слов. Всё это создаёт и смысловую неоднозначность, вариативность, незавершённость, открытость и в то же время обеспечивает жизнеспособность и долговечность античной философии.

Литература

1. *Адо П.* Что такое философия? / пер. с фр. В.П. Гайдамака. М., 1999. 320 с.

2. Семушкин А.В. У истоков европейской рациональности. (Начало древнегреческой философии). М., 1996. 192 с.
3. Иванов В. Дионис и прадоницизм. СПб.: Алетейя, 1994. 344 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб.: Наука, 1993. 350 с.
5. Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху // Избранные произведения Фридриха Ницше: в 3 т. М.: REFL-book, 1994. Т. 3. 416 с.
6. Михайлов А.В. Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000. 856 с. (Язык. Семиотика. Культура).
7. Гомперц Т. Греческие мыслители. Т. 1 / пер. с нем. Д. Жуковского и Е. Герцык. Научная редакция нового издания, комментарии, примечания и предисловие А.В. Цыба. СПб.: Алетейя, 1999. 606 с.

Mazaeva Olga G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

DOI 10.17223/1998863X/30/15

ON THE TERMINOLOGICAL MEANING OF LANGUAGE ITEMS OF ANCIENT PHILOSOPHY

Keywords: ancient philosophy, sage, philosopher, sophist, eros, logos.

The article deals with the language items: words and phrases that characterize the ancient philosophy. They can be a concept, image, symbol, term; or perform the functions of any other rather than inherent in the item itself. The description of the formation of the term and its comprehension can be viewed from two perspectives. The process of acquiring terminological meaning by the rational and emotional forms of thinking is connected with the features of historical development. Therefore it is important to turn to the etymology revealing the origin of meaning and content of the language items under consideration. Comprehension occurs in the reverse perspective (teleological) when the established meaning (its implementation) – entelechy serves to guarantee the accuracy and clarity of the term which is still being formed. It refers to the term 'ancient philosophy' and to the others (e.g., eros, logos) which disclose both their meanings and the content of key term. In Plato's time there was the word philosophy. Its mission is to choose terminology significant definition from existing images, words and concepts, showing way of life and thought of the philosopher. The discrepancy of substance significant and terminology status naming is revealed. In Plato's dialogues the development of concepts enthusiasm, pathos, ecstasy, and a number of others is focused in Eros, terminologically fixed in philia. Philia is a concept similar to Eros, but etymologically it has more moderate qualities: inclination, interest. It conveys the importance of activity imbued with love for true wisdom. The second part of the term philosophy is sophia, word- symbol. The notions of logos and ratio are important for understanding the theme of Sophia. Logos tends to be spiritually inexhaustible and symbolic, it confronts the myth in terms of rationality, but as the word and thought of the Divine it is spirit that is not subject to the rigidity of ratio. The conceptual development of the absolute, preternatural and ratio is focused on the Logos, terminologically fixed in sophia. Difficulty in studying the terminological meaning is conditioned by a variety of research experience, philosophical and methodological orientations of particular stage of philosophical historiography. Complicated language forms (symbols, images) are involved in the formation of the term, metaphoricality and emotional nature of the words should be taken into account. This creates ambiguity, variability, openness of the meaning that ensures the vitality and viability of ancient philosophy.

References

1. Ado, P. (1999) *Chto takoe antichnaya filosofiya?* [What is antique philosophy?] Translated from French by V.P. Gaydamak. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
2. Semushkin, A.V. (1996) *U istokov evropeyskoy ratsional'nosti. (Nachalo drevnegrecheskoy filosofii)* [The beginning of European rationality. (Greek philosophy)]. Moscow: Interpraks.
3. Ivanov, V. (1994) *Dionis i pradionisiystvo* [Dionysus and pra-Dionysianism]. St. Petersburg: Aletheia.
4. Hegel, G.W.F. (1993) *Lektsii po istorii filosofii. Kniga pervaya* [Lectures on the history of philosophy. Book One]. Translated from German by B.G. Stolpner. St. Petersburg: Nauka.
5. Nietzsche, F. (1994) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Vol. 3. Moscow: REFL-book.
6. Mikhaylov, A.V. (2000) *Obratnyy perevod* [Back translation]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
7. Gomperz, T. (1999) *Grecheskie mysliteli* [Greek thinkers]. Translated from German by D. Zhukovsky & E. Gertsyk. St. Petersburg: Aletheia.